

В целом монография Линвилла несомненно заслуживает интереса, и как пример интерпретации пророческого текста в духе «минимализма», и как интересный комментарий, насыщенный важными наблюдениями и написанный с учетом новейших исследований одной из самых замечательных пророческих книг Ветхого Завета.

*А. К. Лявданский
(РГГУ)*

Afzal C. The Mystery of the Book of Revelation. Reenvisioning the End of Time. Lewiston; Queenston; Lampeter : The Edwin Mellen Press, 2008. V, 153 p.

Данная книга, написанная профессором расположенного в окрестностях Нью-Йорка Колледжа Сары Лоуренс (Sarah Lawrence College) Кэмероном Афзалем, посвящена эсхатологии Откровения Иоанна Богослова (далее Откр). Точнее, автор рассматривает лишь главы 6–7 Апокалипсиса, не отражая это в заглавии своего труда. Эсхатологическая проблематика, так или иначе, затрагивается почти в любом исследовании, касающемся Апокалипсиса. При этом никак нельзя сказать, чтобы эта тема набилась оскомины. Слишком насыщена красками картина «эсхатона», представленная в Откр. Пронизанный напряженным ожиданием грядущего эсхатологического свершения, устремленный в будущее, Апокалипсис является при этом книгой, чрезвычайно укорененной в современной его автору действительности. Тайнозритель обращается к своим современникам, интерпретирует их жизненную ситуацию, и его связь с являющимися адресатом его книги малоазийскими христианами не менее тесна, чем у апостола Павла с христианами Коринфа, Фессалоники или Галатии. Неудивительно, что в центре внимания исследователей оказывается вопрос о соотношении в Откр «футуристической» и «реализованной» эсхатологии, причем все большее распространение получает убеждение, что последняя представлена в Апокалипсисе весьма широко.

Это убеждение находит свое выражение и в книге Афзала. Ее основную идею можно вкратце сформулировать следующим образом: в Апокалипсисе имеет место своего рода реинтерпретация определенных, изначально футуристически ориентированных, эсхатологических традиций, в результате которой они трансформируются в утверждение дарованного уже в нынешнем веке и реально вкушаемого в Церкви спасения. Своеобразной чертой исследования Афзала при этом оказывается то, что свой взгляд он подкрепляет доводами из области не только богословия, но и других гуманитарных наук: философской герменевтики, когнитивной антропологии и др. Книга состоит из семи глав, за которыми следуют список использованной литературы и указатель имен. Первая (с. 1–5) и седьмая (с. 135–138) главы представляют собой краткие вступление и эпилог к работе. Вторая глава (с. 7–36) посвящена общей проблеме отражения и преобразования в литературном тексте категории и феномена времени. Вначале Афзаль вводит и характеризует здесь свой собственный термин «communal icon», кото-

рый с определенной натяжкой можно перевести на русский язык как «общинный» или «коллективный образ». Под этим выражением автор понимает «когнитивно-социальное усвоение некого образа определенной общиной, т. е. элемент коллективного воображения» (с. 5). Термин относится к «фиксированным схемам (patterns) воображения, которые остаются нетронутыми внутри социальных групп на протяжении длительного времени» (там же). «Общинный образ» может быть тем или иным способом переосмыслен, в частности, в литературном тексте, и тогда изменения могут проникнуть в само «общинное сознание». Таким «общинным образом», согласно Афзалю, были определенные эсхатологические представления у первых христиан. Далее автор рассматривает, каким образом в европейской культуре осмыслялось время и возможности отражения опыта его переживания в литературном тексте. Здесь автор основное внимание уделяет идеям П. Рикёра, изложенным в его труде «Время и рассказ». Переходя непосредственно к Апокалипсису, Афзаль в своего рода заочном диалоге с Рикёром утверждает, что «Апокалипсис Иоанна, по крайней мере, в том, что касается опыта времени, представляет уникальное сочетание черт как исторического, так и художественного (fictive) жанров» (с. 29–30). Автор настаивает на том, что Откр содержит в себе черты исторического повествования, что Тайнозритель «намерен представить общине его слушателей синопсис их коллективного прошлого и настоящего, их памяти, и таким образом переориентировать их внимание на настоящее» (с. 32). Вопросы, разрешению которых посвящен Апокалипсис, по Афзалю, суть следующие: «Кто мы?» и «Какое сейчас время?» (What time is it?) (с. 36).

Третья глава (с. 37–52) книги посвящена рассмотрению вопроса о жанре и об обусловленной этим жанром рецепции Откр. Афзаль придает равное значение как традиционному отнесению Откр к апокалиптическому жанру, так и представленному в самом Апокалипсисе обозначению его содержания как пророчества. Последнее дает основание воспринимать самого Тайнозрителя как древнехристианского пророка. Кратко обзрев разные современные представления о том, в чем состояло служение древнехристианских пророков, Афзаль приходит к выводу, что при всех различиях в трактовке этого служения, одно остается бесспорным: древнехристианский пророк обладал в глазах тех, кто признавал его таковым, исключительным харизматическим авторитетом. Кроме того, автор указывает еще на один важный аспект пророческого служения в апостольский век: пророк в отличие от апостола не занимается миссионерством, его служение ограничено пределами уже существующих христианских общин. Таким образом, становится возможным утверждать, что обладая высочайшим авторитетом в глазах тех христиан, к которым он обращается, Тайнозритель может воздействовать на их восприятие действительности и преобразовывать его.

В четвертой главе (с. 53–81) предметом рассмотрения становятся непосредственно Иоанн и его читатели. Относительно Тайнозрителя утверждается его иудейское, вероятно, палестинское происхождение, при этом вопрос о его тождестве с апостолом Иоанном Зеведеевым, или автором четвертого Евангелия, не ставится. Подчеркивается его укорененность в иудейской — как ветхозаветной, так и межзаветной традиции. Много внимания в этой главе уделяется вопросу о

том, какая ситуация в среде читателей вызвала к жизни появление Апокалипсиса. На этот вопрос Афзаль отвечает, что Откр является откликом на касающийся взаимоотношений с внешним миром внутренний кризис в малоазийских церквях, состоящий в недостаточном четком понимании христианами своего места в мире, в недостаточном осознании границ между Церковью и миром, в готовности христиан к компромиссу с языческим окружением.

В пятой (с. 83–113) и шестой (с. 115–133) главах автор применяет к интерпретации Откр 6–7 ту терминологию, которая была введена им во второй главе своего исследования. Обращаясь к тексту Откр 6, он констатирует давно отмеченную в науке близость между образностью повествования о снятии Агнцем первых шести печатей с книги, полученной им из рук Сидящего на престоле, и эсхатологической речью Христа в синоптических Евангелиях (Мф 24; Мк 13). Одной из особенностей этой речи является теснейшее переплетение в ней историко-хронологических планов: конца мира и разрушения Иерусалима. Содержащее эту речь евангельское повествование рассматривается Афзалем как письменная фиксация «общинного образа» (*communal icon*), усвоенного многими христианами. Этот «образ», по мнению Афзала, был реинтерпретирован Тайнозрителем путем изменения его временной перспективы. Описание этой реинтерпретации производится с использованием терминологии Рикёра. Суть же ее сводится к следующему. Вместо господствующего в синоптической эсхатологической речи акцента на будущем эсхатологическом свершении, в повествовании Апокалипсиса ударение ставится на том, что бедствия, описанные в этой речи как знамения последних перед концом мира времен, суть вообще реалии этого мира, нынешнего века. Войны, голод, мор, гонения на верных Богу людей, панический страх безбожников, — все то, что образно открывается перед читателем в ходе снятия шести печатей, — не привязаны к какому-то определенному моменту человеческой истории, будь то разрушение Иерусалима, или конец мира, но являются ее постоянным содержанием. Таким образом, снимается проблема «задержки Парусии», которая могла на основании запечатленной в синоптической эсхатологической речи традиции волновать христиан конца I в. Афзаль доказывает вышеизложенные тезисы, отталкиваясь от понимания образа четырех всадников Откр 6 как символически изображающих времена года и тем самым представляющих свойственный нынешнему веку «бег времени». С сожалением приходится отметить, что такое — отнюдь не являющееся ни общепринятым, ни само собой разумеющимся — понимание образа четырех всадников в данной книге автор никак не обосновывает, отсылая к другой своей публикации¹, которая вовсе не является легкодоступной для восточноевропейского читателя.

С этих же позиций автор рассматривает гл. 7 Апокалипсиса. Он утверждает тождество запечатленных 144 000 израильтян (Откр 7. 1–8) и стоящего перед престолом Божиим «великого множества людей из всех племен и колен, и народов, и языков» (Откр 7. 9–17), относя оба эти образа к полноте христианской Церкви. В нынешнем веке верующие переживают скорби и искушения и представляют собой в этом смысле Церковь воинствующую, однако в опыте общения с Богом,

¹ *Afzal C. Wheels of Time: Merkavah Exegesis in Revelation 4 // Paradise Now. Essays on Early Christian and Jewish Mysticism / A. DeConick, ed. Atlanta, 2006. P. 195–209.*

реализуемся прежде всего в богослужении, они одерживают победу над миром, внешне будучи униженными им. В контексте такого толкования в отрывке Откр 7. 9–17 Афзаль подчеркивает литургические мотивы, отмечая близость отдельных образов и мыслей к ветхозаветному празднику кущей.

Вывод автора можно представить следующим образом. Тайнозритель, обладая огромным пророческим авторитетом в глазах хорошо знакомых ему малоазиатских общин, обращается к ним с целью внушить, что, несмотря на внешнее доминирование языческого мира и на то, что буквально понимаемый скорый катастрофический конец мира не наступает, нельзя впадать в уныние и принимать «условия игры» этого мира. Страдания представляют собой неизбежную составляющую жизни в нынешнем веке, но в нем же благодаря совершенному Христом искуплению дана возможность полноценного богообщения, являющегося высшей ценностью и победой над миром, который, в свою очередь, находится в постоянном страхе перед утерей внешнего благополучия.

Остается только пожалеть, что автор не счел нужным сопоставить рассматриваемый им раздел Апокалипсиса с другими его частями, в частности, с циклами труб и чаш. Хотелось бы узнать, как Афзаль мыслит их эсхатологическую перспективу, считает он ее тождественной той, что представлена в цикле печатей, или, может быть, в рамках Откр представлены различные типы эсхатологических представлений? Без сомнения, от такого сопоставления данный труд только выиграл бы.

Давая оценку книге Камерона Афзала, следует подчеркнуть, что сам по себе его взгляд на богословие Откр, так, как оно представлено в двух рассматриваемых главах, в общем и целом находится в русле тех представлений, которые могут считаться господствующими в современных исследованиях, посвященных последней книге Св. Писания. Поэтому более интересным, нежели собственно вывод этой книги, представляется процесс его достижения с опорой на методы и инструментарий смежных с богословием гуманитарных наук. Ознакомление с книгой Афзала, несомненно, будет интересным для тех, кто имеет вкус к междисциплинарным исследованиям, кто видит и культивирует богословие, в частности, библеистику, в союзе с прочими науками о человеке. Для тех же, кто привык считать богословие самодостаточным, рецензируемый труд представляется интересным, но совсем не обязательным дополнением к уже существующим исследованиям по Апокалипсису.

*А. С. Небольсин
(ПСТГУ)*